

нащены. Наличие паровых котлов, ректификационных аппаратов паровых насосов и проч. позволяет назвать их казенными предприятиями фабричного типа. Вплоть до первой мировой войны деятельность складов успешно развивалась, совершенствовалось оборудование, возрастали объемы производства. Война и последовавшие за ней политические события в стране остановили этот процесс. Пришедшее к власти советское правительство уже к 1924 г. пришло к выводу о необходимости введения новой монополии, позволившей восстановить разрушенное войной производство и в перспективе дающей возможность значительно повысить доходы казны.

¹ РГИА. Ф. 575. Оп. 2. Д. 2193. Л. 7–8, 10–11.

² Там же. Л. 9, 13, 16.

³ ГАИО. Ф. 160. Оп. 3. Д. 296. Л. 39–40.

⁴ Там же. Д. 327. Л. 24–25.

⁵ Там же. Д. 301. Л. 7–8, 12, 27, 45–46.

⁶ Там же. Д. 336. Л. 3.

⁷ Там же. Д. 432. Л. 53–64.

⁸ Там же. Д. 429. Л. 3.

⁹ Там же. Д. 500. Л. 113.

¹⁰ Статистика по казенной продаже питей 1904 г. СПб, 1906. С. 15.

¹¹ Подсчитано по: ГАИО. Ф. 160. Оп. 3. Д. 480. Л. 4, 6–7, 16–17, 20–21.

¹² ГАИО. Ф. 160. Оп. 3. Д. 366. Л. 4.

¹³ Там же. Д. 559. Л. 93.

¹⁴ Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. «Кедр», обгоняющий время. Иркутск, 1998. С. 54.

¹⁵ Похлебкин В.В. История водки. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. С. 317–318.

Е. А. Волжанина

К проблеме достоверности демографических данных о сибирских ненцах в первой четверти XX века *

Исследователями неоднократно отмечалось, что данные XVII–XIX вв. и даже первой половины XX в., показывающие изменения численности, распределение по полу и возрасту, отношение к браку и семейный состав народов Севера, носят весьма приблизительный характер¹. В связи с проблемой достоверности демографической информации предлагаются разные методы корректирования имеющихся сведений, относящиеся в первую очередь к реконструкции численности населения².

В данной статье, основанной на материалах 1920-х гг., содержащих демографические характеристики сибирских ненцев, обращается внима-

ние на те культурные различия между регистраторами (представителями русской культуры) и регистрируемыми (представителями ненецкой культуры), которые приводили к искажению или даже утрате тех или иных демографических сведений в процессе сбора информации. Трудности, с которыми пришлось столкнуться работникам первых туземных советов и органов ЗАГС, участникам переписей 1920–1930-х гг. нашли отражение в отчетах и докладах этих лет. Хронологические рамки работы обусловлены учреждением в 1920–1930-е гг. повсеместно регистрации актов гражданского состояния и похозяйственного учета, переданных в ведение сельских советов, и проведением всеобщих переписей населения, столкнувшихся с вышеуказанной проблемой. То, что предметом исследования выбраны ненцы, связано с тем, что они представляют самый многочисленный из малочисленных народов Севера, ведущих кочевой образ жизни, а также непосредственными интересами автора.

Согласно «Положению об управлении туземных племен на северных окраинах Тобольского округа», принятому в 1926 г., учет населения должны были осуществлять родовые советы³. Для обслуживания кочевого населения Тобольского Севера были организованы три туземных кочевых совета: Уральский, Тазовский и Ямальский, из которых реально существовал только последний⁴. Причинами этого были слабая обеспеченность советов материальными и транспортными средствами, низкая заработная плата работников и тяжелые бытовые условия. В частности Уральский туземный совет не мог приступить к работе из-за отсутствия секретаря и средств передвижения⁵.

Показателем работы кочевых советов является следующий факт. Если за год существования 1926–1927 гг. оседлыми туземными советами было взято на учет все население, проживающее на их территории, то кочевыми советами были учтены только «около 25 хозяйств с количеством до 90 душ обоого пола...»⁶. К началу 1928 г. число учтенных хозяйств увеличилось до 91, в них 474 чел.⁷. В 1928 г. Ямальским ТузРИКом была освоена только территория южного Ямала до реки Юрибей. Ненцы, кочующие севернее, его не знали и не признавали. Никакой работы не вели на Ямале и родовые советы (родов Окоэтэтто, Худи, Вануйто, Езынги)⁸. Для переписи кочевого населения Ямальский кочевой тузсовет вынужден был прибегнуть к принудительным мерам. Факториям, находящимся на территории совета, некоторое время не разрешалось торговать с самоедами Ямальской тундры, не имеющим справки от Ямальского тузсовета о постановке их на учет⁹.

Регистрация коренного населения осложнялась их отрицательным отношением к каким-либо переписям вообще из-за боязни, что «...русские, наверное, их будут брать в солдаты, отбирать у них детей и отдавать в школы...»¹⁰. Ненцы на общем собрании, проходившем в апреле 1927 г. в местности Хадытта Ямальской тундры, отказывались переписываться по-

* Работа выполнена при поддержке Лаврентьевского гранта, 2006 г.

тому, что «во-первых: когда приезжал товарищ по Всесоюзной переписи, то говорил, что больше вас никто переписывать не будет,... и второе: главная их причина, ... что когда все инородческое нацменовское население об этом узнает и согласится, тогда согласимся и мы...»¹¹.

Полному и достоверному учету ненцев препятствовала система традиционных представлений, связанных с именем и возрастом человека, рождением, смертью и заключением брака, подробно рассмотренных в этнографических работах¹².

Согласно традиционным правилам, у ненцев один и тот же человек мог иметь три имени: имя – по предку, употребление которого ограничивалось, имя-прозвище, которое давалось по обстоятельствам рождения, и русское имя¹³. Появление русских имен иногда было связано с обстоятельствами крещения. Часто эти имена существовали только на бумаге и забывались самим носителем и его окружением (такие случаи встречаются до сих пор). Они стали широко использоваться с введением обязательной регистрации новорожденных и введением паспортов, т. е. с 1930-х гг.¹⁴. Принятию русских имен и замене в некоторых случаях ими ненецких, способствовало существование ряда запретов произношения ненецкого имени вслух, не распространявшихся на русские имена. Так, младшие члены семьи не могли называть старших по имени. К мужчинам и женщинам, имеющим детей, обращались по имени одного из них, а с запретом имени последнего ребенка – как к бабушке или бабушке одного из их внуков или по прозвищу¹⁵. В этой связи складывалось впечатление, что дети не знают имен своих родителей¹⁶. А в настоящее время детям не всегда известны ненецкие имена родителей своих родителей¹⁷. Из-за наличия у «самоедов» нескольких имен выражалось опасение преувеличения их численности за счет переписи одного и того же человека два и более раза¹⁸. Для устранения подобной ошибки всем кочевникам, прошедшим регистрацию, выдавались удостоверения.

Что касается возраста, то выделяемые возрастные группы имеют условное значение в рассматриваемый период из-за неточности его регистрации¹⁹. В демографии под возрастом понимается полное число лет, исполнившееся в последний день рождения, полученное как ответ на вопрос о дате рождения или, если респондент не знает даты рождения, как ответ на вопрос о числе исполнившихся лет в последний день рождения²⁰. Ненцы не могли дать точного ответа ни на один из этих вопросов. На количество лет меньше всего обращалось внимание. Возраст человека учитывался только в первые 4–5 лет жизни, а день рождения отмечался один раз, после того как отпадала пуповина у младенца²¹. Значение придавалось не количеству прожитых лет, а способности человека к выполнению той или иной социальной функции. Согласно не-

нецким представлениям, для женщин – это способность к деторождению²².

Некоторую путаницу в подсчете лет вносили различия в длительности «русского» и ненецкого года. Традиционный ненецкий календарь делится на четыре (зима, весна, лето и осень) или два периода (зима и лето)²³. Каждый из них рассматривался как целый год и представлял самостоятельный, завершённый жизненный цикл. До сих пор в разговорах с информаторами приходится уточнять, какой год – «русский» или «ненецкий» – подразумевается в том или ином случае.

Доктор М.Л. Шапиро-Аронштам по результатам работ экспедиции Облздравотдела на Приполярный Север Тобольского округа в 1926–1927 гг., сообщала, что ненцы «счет знают плохо. О возрасте ребенка сказать не могут. Старики, имея 50 лет, называют цифру 75–100 лет...»²⁴. А также: «Самоеды совершенно не представляют счета времени и поэтому не знают возраста. Возраст детей знают только до трех лет. Самоед не может сказать, 25 ему лет или 40. Поэтому возраст приходится определять на глаз. ...Вообще самоеды, тесно соприкасающиеся с русскими и зырянками, обычно так определяют свой возраст: "Санку Шахова знаешь, так мой сын родился в тот же год или на год позже"»²⁵.

На значительное искажение возраста при проведении переписи указывает рассчитанный показатель возрастной аккумуляции. При заполнении этой графы переписчикам чаще всего приходилось определять возраст на глаз, записывая вместо точных значений округленные, приближенные величины. Возраст людей в группе старше 40 лет представлен в основном такими значениями как 40, 45, 50, 55, 60, 65, 70, 75 лет²⁶. Коэффициент возрастной аккумуляции, рассчитанный по отношению к возрастам, оканчивающимся на «0» и «5», на основании имеющихся сведений об одногодичных возрастных группах равнялся в 1926 г. 4916,6 % (!). В 1973 г. – 106,38 % для ненцев, проживающих на той же территории, по данным похозяйственного учета.

Количество зафиксированных случаев рождений и смертей также считалось заниженным для рассматриваемого периода²⁷. В 1920–1930-е гг. ненцы категорично высказывались против регистрации рождений, смертей и браков²⁸. Приводимые доводы в пользу ЗАГСа, в частности, о том, что сведения о количестве смертей необходимы для оказания своевременной медицинской помощи кочевому населению в тундре, оказывались безрезультатными²⁹. Отказ регистрировать умерших объяснялся религиозными мотивами. По традиционным представлениям ненцев, нельзя произносить вслух имя покойного, тем самым беспокоить его. При каждом упоминании его имени покойный приподнимает голову³⁰. По другим представлениям, упоминание имени умершего человека причиняет ему боль³¹. О нем обычно говорят в описательной форме «отсутствующий» или «наш ушедший»³². Считается тяжелым оскорбле-

нием назвать имя умершего в присутствии живых родственников³³. В связи с этим у лесных ненцев существовал обычай каждому ребенку давать новое имя, а если два человека носили одинаковые имена и один из них умирал, то второй менял имя³⁴. Табу произносить имя умершего сохранялось в течение 1–2 поколений.

Большая часть ненцев считала, что регистрация браков лишит семьи возможности получать калым за невесту, а мужчин – брать вторую и третью жену³⁵. Положительно высказывались те, кто полагал, что это нововведение уменьшит количество побегов и воровства жен³⁶. Случаи многоженства нередко встречались среди богатых самоедов. Мужчина брал вторую жену с согласия первой часто из-за ее преклонного возраста, бездетности или если в семье рождались только девочки.

Отмеченные особенности отрицательно влияли на учет населения в определенный момент времени (переписи), а также текущий учет демографических событий за тот или иной период. Достоверность демографических сведений зависела и от способа получения информации: путем непосредственного опроса человека, когда переписной лист заполнялся регистратором в процессе личной беседы с ним, или на основании сообщений других людей. Последний метод практиковался переписчиками в 1920–1930-е гг. Из-за труднодоступности мест проживания народов Севера и ограниченности средств на проведение переписи, данные о населении иногда записывались со слов родовых старшин³⁷. Языковые различия усугубляли ситуацию тем, что информация, получаемая от переписываемого лица, представляла собой не то, что он сам непосредственно сказал, а то, что смог передать переводчик в пределах своих языковых возможностей. Все вместе это приводило к тому, что сведения о населении отличаются в разных источниках и позволяют делать только общие выводы о демографических тенденциях в рассматриваемый период времени.

¹ Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII-первой половине XIX века. Новосибирск: Наука, 1975. С. 20, 139; Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.: Наука, 1970. С. 67 и др.

² Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке // Труды Института этнографии. Т. 55. М.: Наука, 1960; Васильев В.И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М.: Наука, 1979; Крупник И.И. Люди в чумах, цифры на бумаге. Русские источники к демографической истории Ямала, 1695–1992 гг. // Древности Ямала. Вып. 1. Екатеринбург-Салехард: УрО РАН, 2000. С. 122–151; Афанасьева Г.М. Традиционная система воспроизводства нганасан (проблемы репродукции обособленных популяций). В 3-х кн. Кн. 1. М.: АН СССР, 1990; и др.

³ Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.). Сборник документов. Тюмень, 1994. С. 101, 114.

⁴ ГАОПОТО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 8. Л. 127.

⁵ Там же. Л. 127.

⁶ Судьбы народов... С. 135.

⁷ Там же. С. 143

⁸ Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову. Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928–1929 гг. Тюмень: Институт проблем освоения Севера СО РАН, 1992. С. 216.

⁹ Судьбы народов... С. 144.

¹⁰ Судьбы народов... С. 143; Природные ресурсы, природопользование и охрана окружающей среды на Обь-Иртышском Севере (1919–1929 гг.). Сборник документов. Новосибирск: Изд-во «Сибирская научная книга», 2005. С. 128–129; ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 181. Т. 4. Л. 2.

¹¹ Судьбы народов... С. 128.

¹² Хомич Л.В. Ненцы. М.-Л.: Наука, 1966; Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л.: Наука, 1976; Хомич Л.В. Ненцы. СПб.: Русский двор, 1995. Терещенко Н.М. Собственные имена людей у ненцев // Вопросы финно-угорского языковедения. Вып. 3. М.: Наука, 1966; Он же. Слова табу в ненецком языке // Советское финно-угроведение. Вып. III. Т. 2. Таллинн, 1967.; Сусой Е.Г. Из глубины веков. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1994; и др.

¹³ Хомич Л.В. Проблемы этногенеза... С. 117.

¹⁴ Вануйто Г.И. Словарь личных имен ненцев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 3–4.

¹⁵ Хомич Л.В. Проблемы этногенеза... С. 117; Сусой Е.Г. Из глубины веков. С. 33.

¹⁶ Хомич Л.В. Проблемы этногенеза... С. 117.

¹⁷ Полевые материалы автора (ПМА), 2005, 2006.

¹⁸ ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 181. Т. 4. Л. 7.

¹⁹ Терлецкий П.Е. Население Крайнего Севера (По данным переписи 1926/1927 гг.). Л., 1932. С. 24; Смертность и продолжительность жизни населения Уральской области. По данным разработки Всесоюзной переписи 1926 г. и материалов естественного движения населения. Свердловск: Издание Уральского Областного Статистического отдела, 1929. С. 32.

²⁰ Медков В.М. Демография. Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. С. 418.

²¹ Сусой Е.Г. Из глубины веков. С. 36, 50.

²² Харючи, 2001. С. 156.

²³ Сусой Е.Г. Из глубины веков. С. 49; Хомич Л.В. Ненцы. СПб., 1995. С. 199.

²⁴ ГАТ. Ф. 695. Оп. 1. Д. 78. Л. 30.

²⁵ Там же Л. 87 об.–89.

²⁶ Там же. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 46–47.

²⁷ Терлецкий П.Е. Население Крайнего Севера. С. 46; Смертность... С. 32.

²⁸ Судьбы народов... С. 128, 144, 153.

²⁹ Там же. С. 128.

³⁰ ПМА, 2006.

³¹ Хомич Л.В. Семейная обрядность // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М.: Наука, 2005. С. 464.

³² Тохоле Г. Об именах ненцев // Народы Северо-Западной Сибири. Томск: Изд-во Том.ун-та, 1996. С. 26.

³³ Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 154.

³⁴ Хомич Л.В. Проблемы этногенеза... С. 117.

³⁵ Лёзова С.В. Северный Ямал: Великое переселение 1947 г. // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиум «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 декабря 2001 г., г. Тобольск). Тобольск–Омск: ОмГПУ, 2001. С. 132.

³⁶ Судьбы народов... С. 128.

³⁷ Списки населенных пунктов... С. 210–211; ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 181. Т. 4. Л. 5 об.

В. М. Дамдынчап

Проблема трансформации обычного права тувинцев

Традиционное общество тувинцев подверглось активным модернизационным изменениям со второй половины XX в. после вхождения в состав России. Трансформация пошла по пути насильственного навязывания чуждой модели развития, имевшей негативные последствия для социума: «Все рациональные новшества должны отвечать традициям, а не ломать, искоренять либо «преобразовывать» с крупными социальными издержками»¹. В данной статье рассматривается трансформация обычного права тувинцев в первой половине XX в. Под трансформацией понимается процесс развития, изменения, обновления, а также ломка, деформация институциональных основ традиционного общества.

Термин «*обычное право*» с момента его появления в лексиконе науки XIX в. означал нормы регулирования, принятые в традиционных обществах, которые основывались не на сложившихся отчетливых юридических понятиях права (образцом каковых для науки XIX в. служили нормы римского права), а на обычаях и традициях. Поэтому обычное право регулировало общественные отношения в традиционных обществах и как право не воспринималось теоретиками права и этнографами².

Одним из ведущих специалистов в области обычного права, Г.В. Мальцевым обосновано следующее определение *обычного права* – это фундаментальное явление, проходящее через всю историю человеческой цивилизации, действующее во всех правовых системах с различной степенью охвата общественных отношений³. В традиционном обще-

стве обычно-правовые установления выступают в качестве основных регуляторов общественных отношений. Обычное право вносит в общественную жизнь начала стабильности, упорядоченности.

В советской исторической науке к традициям и обычаям относились как к неким рудиментам, которые под влиянием общественных изменений должны исчезнуть из обыденной практики. Подобный подход господствовал и в исторических работах В.И. Дулова, Л.П. Потапова, Н.И. Сердобова, Ю.Л. Аранчына и др.⁴, раскрывающих сущность традиционного общества тувинцев. Современные исследования, основанные на полевых материалах, убедительно указывают на то, что обычно-правовые нормы сумели приспособиться к реалиям как советского, так и постсоветского общества, составляя существенную часть правосознания тувинцев.

Все социальные институты, в том числе и обычное право, являются историческими феноменами. Следовательно, они несут на себе бремя времени, в рамках которого они были созданы, и их характер зависел от тех целей, которые ставило общество. В процессе развития обычного права можно выделить два этапа. Трансформация обычного права тувинцев до 1930-х гг. проходила по пути эволюционного изменения, обновления в рамках развития традиционного общества. После провозглашения нового курса на социалистическое строительство в 1929 г. трансформация приобретает характер насильственного разрушения традиционных институтов, в том числе обычного права тувинцев.

На первом этапе обычное право тувинцев подверглось постепенной аккультурации со стороны доминантной монгольской системы права. Со второй половины XVIII в. и до 1912 г. Тува находилась в составе Цинской империи. Монгольские и тувинские земли управлялись Палатой внешних сношений – Лифаньюань. После присоединения Халхи, в 1696 г., это ведомство занялось разработкой новых законов для монголов. Подготовленное «Монгольское уложение» было утверждено императором Канси. Этот свод законов, более известный как «Цааджин бичиг»⁵ действовал до 1789 г. Основную часть сборника составляли монгольские нормы обычного права. Затем была проведена новая кодификация, результатом которой стало появление «Уложения Палаты внешних сношений» 1789 г., многие обычно-правовые установления монголов вошли в состав уложения. Но к началу XIX в. этот свод устарел и в 1815 г. был разработан новый сборник⁶, действовавший до падения маньчжурской династии в 1912 г.

В Туве вводилось новое военно-административное управление, основанное на территориальном, а не родовом делении. Страна была разделена на военно-административные округа – *хошуны*, которые состояли из *сумонов* и *арбанов*⁷. Китайские власти разделили тувинские племена на пять хошунов – Тесингольский (Тес-Хемский)⁸, Хемгольский, Тод-